

Вика Барсукова

**ЗАПИСКИ СТУДЕНТКИ ИЗ МЕДИЦИНСКОГО, ИЛИ
СТАНДАРТНЫЙ УЖАС БЫТИЯ
(ДВА РАССКАЗА)**

ЭВТАНАЗИЯ

Мы познакомились под Курской дугой, именно в том месте, где так часто происходят магнитные аномалии. Помню, как она подошла ко мне на одной из выставок Александра Зайцева, вероятно, заметив, с каким увлечением я всматриваюсь в его шедевр.

- Вы покорены, не правда ли?

- Действительно - я даже не повернулся, чтобы взглянуть, с кем веду беседу.

- А мне кажется - нелепая мазня! Что вы в ней нашли? - она презрительно фыркнула, заставив меня рассмеяться и, наконец, обратить на нее внимание.

- Я режиссер, милая. Мне свойственно во всем находить красоту. Неужели вас вовсе не привлекают эти изящные линии?

- Ни секунды. Странная логика у вас! Я, к примеру, начинающий писатель, отчего же ничего такого не примечаю? - она игриво сузила глаза, будто призывая меня к умышленному конфликту. Я, как человек наученный опытом, в свою очередь, решил дискуссию прекратить и перевести тему в иное русло.

- Значит, молодой писатель? Что же вы написали?

- Скажите ещё, что вы желаете мою историю прочесть? - она явно провоцировала меня, и я, словно очарованный мальчишка, поддался, небрежно сунув ей в руку свою визитку.

- Завтра, в 10:15. Я предупрежу о вас секретаршу - незнакомка удовлетворенно улыбнулась и, не попрощавшись, стремительными шагами направилась к выходу.

- Как ваше имя? - только и успел я крикнуть ей вдогонку.

- Полина.

С первой встречи стало ясно - она совсем не такая, как эти тысячи безликих прохожих, готовых родную мать покалечить ради места под солнцем. В ней не было всей этой фальши, мерзоты, лицемерия. Смешно видеть человека, абсолютно не умеющего врать.

При ее безмерной красоте, невозможно точно определить какой своей частью именно она ее отражала. Кажется, волосы. А может, нет. Безупречная улыбка? Вероятно. Никогда, никогда я такого не встречал, хоть и видел достаточно. С моим холодным умом и невероятной способностью уверенно стоять на ногах и ее детской обворожительностью с полным неумением жить мы идеально дополняли друг друга. Могу сказать только, что с той первой

встречи под Курской дугой, она стала мне и другом, и семьей, и верной собеседницей. Этого мне не хватало, пожалуй, всю мою жизнь. Чего удивляться? Для родной матери меня просто не существовало, пускай она и прокрутилась всё моё детство на нескольких работах, чтобы хоть как-то обеспечить нашу скромную семью. Отца в качестве отца я видел лишь на похоронах, только тогда, в двадцать пять лет, узнав в своём двухдневном трактирном знакомом с тяжелой формой рака, человека, которого божился найти всю сознательную жизнь. Нашёл.

Тем же утром, в те же 10:15 она без стука впорхнула в мой кабинет, теребя в тонких руках файл, в котором теснились два исписанных альбомных листочка. Я невольно рассмеялся.

- Это всё?

- Этого достаточно - ей самой, видимо, стало не по себе, пусть она всячески пыталась это скрывать,

- Вы прочитайте сначала. В картине с явными признаками минимализма вы красоту сумели найти, а теперь так поверхностно судите по размеру. Абсурд.

Теперь не по себе стало мне, и я пообещал себе, во что бы то ни стало воплотить в жизнь ее мечту. Полина же в уже знакомой мне манере выскочила из кабинета, даже не предоставив мне возможности, что-либо сказать, оставив на моем столе свою работу. Приняться за чтение мне удалось только вечером, когда на город спускался серый осенний туман.

"На город спускался серый осенний туман. 25-летний врач Максим Александрович, принципиально отзывающийся на задорное Макс, видимо с целью не уподобляться ответственной профессии, обиженно покусывал нижнюю губу, сидя в ординаторской.

- С твоей бы харизмой, да в нужное русло...- не раз поучал седовласый Юрий Борисович.

- Ага, да куда там - повторил Макс шепотом и молча удалился.

Сколько раз уже он, выпускник хабаровского медицинского, оставался на дежурство? Невиданная дерзость.

- Ну, подумаешь, разок другой, позволил себе лишнего. На то она и молодость - никак не успокаивался ординатор, - Когда, если не сейчас?

- Всё дежурство, дежурство - перекивлял Макс непосредственного начальника и кинул подушку на диван. Едва он успел присесть, как в ординаторскую без стука заскочила Ирочка.

- Максим Александрович, Мак...

- Ира! Макс, просто Макс.

- Максим А... Макс. Там больного привезли, старичок лет шестидесяти, а худой-то какой, бледный!

Макс неодобрительно кивнул и медленным шагом направился вслед за медсестрой, не переставая по дороге уповать.

- Старики, бабки, глупые дети. Сколько их таких? А я, я один такой, разорваться мне теперь, черт бы их побрал!

На ходу парень вспоминал беззаботное школьное время, когда он мечтал стать каким-либо нефтяником или вовсе податься в политику. И на тебе! Подарок судьбы - медицинский. (Если оставаться до конца честным, он клятву Гиппократа – то перед публичным прочтением на руке написал, потому что незачем ересь эту запоминать).

Пренебрежительно толкнув дверь, ординатор зашел в приемную. На кушетке сидел мужчина, по всем приметам схожий с описанным двумя минутами ранее Ирочкой. Пробежавшись глазами по истории болезни – Макс удовлетворенно хмыкнул: "Онкология, 4 стадия". Много таких он наблюдал, возиться не надо – долго не проживет всё равно. Окинув старика оценивающим взглядом, Макс слегка огорчился. Этот выглядел довольно здоровым, если бы не худоба и потускневшие, практически ослепшие глаза. "Даже под себя пока не ходит, видать жить ему хочется. Куда ему? Отжил свое". – Опрометчиво констатировал Макс и стремительно вышел из смотровой. Только кинул невнятное "Оформляйте" напоследок и громко хлопнул дверью в отместку за нарушенный покой.

Время едва перевалило за полночь, когда доктор услышал ненавязчивый скрежет за дверью.

– Будут теперь таскаться полночи, хоть под ключ закрывай – пронеслось в его голове. Скрежет становился всё громче и громче, Макс открыл дверь и опешил – старик стоял обнаженный по пояс. Его тело покрывали многочисленные раны и открытые язвы, которые довольно сильно кровоточили и создавали, скорее, впечатление живого мертвеца, нежели умирающего человека. Он был усыпан ими, словно дитя солнца веснушками. Сосчитать трудно было.

– Ввы, простите, что здесь делаете? Ввам бы в палату, и оденьтесь. У нас так не принято – невнятно пробормотал Максим Александрович, впервые за полгода практики, ощутивший себя действительно Максимом Александровичем.

– Да мне не спится что-то, и в боку колет. Может, зайдете ко мне? У меня чай вкусный.

– Я вам клоун что ли? Развлекать вас всех тут. Мила! Вколи ему 1/2 феназепама, пусть спит! Старик разочарованно взглянул на Макса и под встревоженные причитания Ирины удалился в свою палату. Максим, в свою очередь, обиженно хмыкнул и закрылся в ординаторской.

– Ну что я им, клоун что ли!

Утро наступило слишком быстро. Началось оно не с кофе, а с двух поступивших детей с ангиной. Ангиной Макс переболел в детстве и теперь всячески опасался подобных столкновений. Вообще, детство он ассоциировал с серым пятном, и на то были веские причины. Отца он никогда не видел. А мать... Мать, бедная, крутилась как белка в колесе, на двух, потом на трех работах. Чего уж там говорить о качественном воспитании? Ангина на фоне прочих проблем не являлась особо тяжелым периодом в жизни, однако Максим, в прямом смысле слова, весь изнылся, причем настолько, что даже

родная мать не могла его успокоить. Ребёнку, конечно, не хватало отца: твердой руки, бархатного баритона, который бы объяснял: "Ты мужчина, ты должен вести себя, как мужчина". Это сказало. Осмотрев детей, Макс вспомнил о старике, которого просто необходимо было посетить. Нехотя поднялся на третий этаж и подошел к двери. За дверью он услышал знакомые голоса, которые пылко что-то обсуждали.

– Саша, ты должен сказать ему. Раз уж так... Ну, получилось, вышло. Что ж поделаешь теперь? Он хороший у тебя. Вы похожи, если со стороны... Молодой, горячий. Он заслужил знать правду! – настойчиво разглагольствовал Юрий Борисович.

– Поздно уже, Юрка. Не простит он меня, а если и простит, то мучиться будет, страдать. А мне, думаешь, этого хочется? И так достаточно жизнь ему испортил. Нет, Юрка, нет. Уходи лучше, только соль на рану не сыпь. Юрий Борисович огорченно вздохнул и неуверенным шагом направился к двери. Увидев доктора, он только разочарованно махнул рукой и в темпе удалился. "Опять придирается" – решил Макс и безмятежно вошел в палату.

– Я так вам рад! Я так ждал, когда вы придете! – оживился старик.

– Работа у нас такая, сначала одних осмотрел, вот и до вас очередь дошла, – неожиданно для себя самого смягчился Макс, – как вы? Болит что? Старик слегка улыбнулся.

– Болит всё, ужасно болит. Да с этой болью я смирился уже, а вот душевная гложет – вздохнуть не могу.

– Ну, с такими жалобами вам к психологу, а не к нам – опрометчиво сформулировал Макс.

– Жена моя вторая тоже так говорила, – рассмеялся старик, – померла месяц назад, вот и я загнулся.

– А первая где?

Старик выдержал паузу, словно придумывая, переписывая мысленно уже пережитую историю.

– Мы поженились только, как она сбежала. Растворилась, как и не было вовсе. Будто черт ее побрал! Если бы только сама, так и сына прихватила. Искал, искал... Не нашел, как видишь. А я... тоже дурак. Сына любил, ох, как любил. Да только бросил бороться, прошлое бросил. А теперь, чего уж? Из полуслепых глаз старика покатались горячие слёзы. Максим сам настолько растрогался, что его сердце наполнилось необъяснимой тоской, будто по его жилам вместо крови внезапно потекла грусть. Он неоднократно видел чужие слезы, которые обычно не вызывали у него ни капли сострадания, жалости. Только не в этот раз. Максим присел на койку и еще очень долго разговаривал с Александром Львовичем, пытался шутить, всячески подбадривать. И старик всей душой отзывался на подобную благодать.

Снова вечерело. Максим, за сегодняшней день не провинившийся ни разу, снял белый халат и запрыгнул в серое, теплое пальто. В коридоре послышались громкие, быстрые шаги и Милены вопли. Максим выскочил из ординаторской и моментально заметил скопление врачей возле палаты

знакомого старика. Не скидывая верхней одежды, ординатор кинулся туда. Он обмел. Александр Львович, двумя часами ранее оживленно рассказывающий элементы своей жизни, теперь неподвижно лежал и, периодически вздрагивая, захлебывался собственной кровью. Растолкав врачей, Максим, словно ужаленный ядовитой змеей, упал около койки и начал отчаянно звать на помощь. Будто сам он не был врачом, будто сам он вообще никем не был. Максим потерял сознание.

Он очнулся в 2 часа ночи. Едва ли поднялся с дивана и, пошатываясь, побрел к палате старика. Тот лежал с ног до головы истыканный иглоками, под капельницей, с кислородной трубкой в носу. Глаза его были приоткрыты, естественно не мог говорить, но жестом показал на лист и бумагу. Макс стоял на ватных ногах в любой момент готовый звать на помощь. Но старик был невозмутимо спокоен, хотя было видно, что с интервалом в несколько минут он сжимается от ужасной боли. Схватив дрожащей рукой ручку, Александр Львович написал большими, кривыми буквами: "Я больше так не могу". В этот момент их глаза пересеклись и сошлись в одной мертвой точке.

– Ннет.. я не буду. Буммага, подписать.. Я нне смогу. – Максим шепотом, валясь с ног, доказывал это пациенту, которому было уже откровенно неважно - сможет он или не сможет. Это не было ни хорошо, ни плохо... Так было правильно. В ответ, приятель только одобрительно моргнул глазами и сжался в новом приступе. Макс, словно ведомый, словно неведующий, вышел из палаты. Вернулся через полчаса, в тайне надеясь, что Александр Львович лежит там уже мертвый, что не придется брать грех на душу, с маленьким шприцом, который через несколько минут должен был забрать чью-то жизнь. Но старик дышал и, увидев заветный предмет, растянулся в бесформенной улыбке, будто приметив луч света среди многочисленных туч. Максима раздирало изнутри, горячая лава охватывала его сердце. Никогда в жизни он еще не был так уязвим, ни-ког-да. В голове происходила суровая борьба, мозг посылал отчетливые напоминания: «Ты врач, в первую очередь, а долг врача – помогать людям». Что можно сделать, если единственная помощь – убить пациента собственными руками? Убить... или спасти. С каждой минутой старику становилось все хуже, он, словно потерянный котенок, окидывал взглядом то Максима, то шприц, в ожидании долгожданного покоя. Ординатор вставил иглу в провод, ввел препарат. Оказавшийся на грани жизни и смерти облегченно вздохнул и закрыл глаза, но вдруг, внезапно встрепенулся, схватил ручку и едва ли начал выводить на листе: "Я твой па...". Он не успел дописать букву "а", как линия пульса предательски задергалась и превратилась в сплошную прямую. Пять раз перечитав текст, состоящий из двух с половиной слов, Максим обезумел. Он сорвал капельницу, начал трясти отца, достал дефибрилятор и еще долго тщетно пытался завести остановившееся сердце. Мысль о том, что он убил собственного папу, въелась в мозг и разъедала сознание. Парень упал на колени и зарыдал... Прошло 5 лет. Максим Александрович сидел в ординаторской и пил остывший кофе. Вот как год минул после ухода Юрия Борисовича и теперь его место заведующего

отделением занимал юный врач. Внезапно в кабинет ворвался ординатор Мишка и с досадой заявил:

- Опяять дежурство? Ну, подумаешь, разок другой, позволил себе лишнего. На то она и молодость! Когда, если не сейчас?

Максим Александрович ухмыльнулся".

Я, теперь уже взрослый состоявшийся человек, с трудом сдерживал слёзы. Как ей, глупой самонадеянной девчонке, удалось так точно отразить мою жизнь на двух альбомных листочках? Откуда она всё это знает? Я презирал и любил ее одновременно, сам не разбирая чему подвержен больше. Зная только то, что нарушу своё обещание. Мир никогда не увидит меня такого, никогда, пусть даже я стану самым первым лгуном. Нельзя позволить людям обнаружить моё растаявшее сердце, дать почуять запах слабости. Впервые за много лет я действительно почувствовал себя жалким. [Впоследствии Полина неоднократно называла меня жалким. Однажды она огорченно, но довольно бойко отчеканила:

- Вы жалкий.

- Почему же? - я непроизвольно рассмеялся.

- Потому что обвиняете себя. Все люди жалкие. Когда поверите в свою непричастность, я перестану так говорить. И я поверил].

От размышлений меня отвлек телефонный звонок. Понимая, что сейчас не самый подходящий момент для привычной пустой болтовни, я раздраженно поднял трубку.

- Да?

- Вы прочли? - после всего ей ещё хватило наглости мне позвонить.

- Откуда у вас мой номер? - я всячески пытался сдерживаться, но понимал, что вот-вот взорвусь.

- А! - было слышно, как она отмахнулась, - Так вы прочли? И тут я не вытерпел.

- Это чудовищно. Такой бездарности я ещё никогда не встречал. Неужели вы действительно решили, что по этому можно снять фильм? - я нагло врал, и в этом мне не было оправдания, но личные переживания сейчас заметно превышали Полинины чувства, - Не ваше это. Не стоит.

Ничего не сказав, она молча повесила трубку и не звонила до тех пор, пока я сам не набрался смелости и не набрал ее номер спустя 2 месяца. Так и началась наша история.

ЧЕРЕМУХА

Ступенька, вторая, третья... Этаж. Пятый. Забралась всё-таки. Дверь в квартиру открыта. Не забыла под утро нагулявшаяся хозяйка о просьбе старой подружки. В коридоре стоял стойкий запах перегара и пятидесяти оттенков пота. Мира повела носом, даже себя невзначай понюхала - не от нее. В принципе, такой образ жизни в последние два дня стал более ли менее

выносим и даже гарантировал спокойствие и уют. Чего там говорить? Мира компанию свою не осуждала, даже, наоборот, прониклась как-то. Эти таскания по ресторанам, чужим "хатам" перенесли ее из разряда "тихая, маленькая девочка" в разряд "взрослая и самостоятельная", хотя ощущение, что она превращается в бомжа было сильнее, конечно. Даже с мамой поругалась. Понимаю, в принципе. Кому же понравится, когда твой домашний ребенок уже второй день демонстративно забивает на этот самый дом, так еще и благоухает алкоголем и сигаретами. Ничего, остынет. Из комнаты тем временем доносилось мерное посапывание и невнятное бормотание Риты, которая имела особенность бубнить во сне и перетягивать на себя одеяло. Рассматривать кто, где упал, не стала, будить тоже. Уважение нужно иметь к людям, кому же понравится, когда его будят в такую рань. Мира удрученно вздохнула и шмыгнула на кухню. Достала сигарету. Курить не особо хотелось, спать не хотелось, на самом деле сейчас вообще ничего хотелось. Так, инерция. Старый холодильник, подающий признаки жизни раз в двадцать минут, и систематическое тиканье часов в какой-то мере разбавляли ожидание, но от мыслей не очень-то спасали. Скорее наоборот, наталкивали. Так и сидела, глоток свежего воздуха через открытую форточку - затяжка никотином, и осознание, что за стенкой кто-то видит сны о счастливой жизни. Сама Мира никогда не видела. И вообще, какой ответственный и понимающий родитель назовет дочь "Мирослава"? Что за имя такое дурацкое? Мира до сих пор не до конца привыкла, больше, наверное, смирилась. "Мир ужаснуло страшное известие". "В мире происходят важные политические события". А в жизни Миры никогда не происходило никаких событий, не то, что политических. Вот и терпи теперь это.

Из-за стены показалась сонная рожа Сани, провисевшая там обособленно от тела еще несколько минут, а после, собственно, и недостающие конечности. Не сказать, что обрадовалась, но теперь хотя бы не одна.

- Оо, давно сидишь? - Семенов так же вяло прошлепал на кухню по длинному коридору.

Говорить Мира не особо хотелось, да и по опухшей физиономии четко читалось - сидит давно, не весело.

- Хотя бы чайник нагрела - опечаленно протянул Саня, все еще ведя свой монолог тире диалог, и принялся насыпать сахар в две кружки.

Заботится, что ли.

Мира было откровенно без разницы на его чай, шутки, пролетающие мимо ушей, и нескончаемые попытки ободрить ее, переметнувшуюся с подоконника на стул. Не к нему пришла. Мира презрительно хмыкнула, не в

тему, конечно, больше по привычке. Хотя хороший парень, вроде. Черт его знает, вообще-то: хороший, плохой. Три дня знакомы. С тем, вторым столько же, но о нем почему-то сложилось более стойкое впечатление. Объятия на танцполе тут не при чем, конечно. А теперь туман в голове.

"Через год ты будешь другая".

Да куда там, станешь тут другой. Внешне только если. Теперь Мира недовольно перелистывала фотографии в потрепанном альбоме, который мама, видимо, долгое время не выпускала из рук после отъезда дочери год назад.

13 лет - одеваться не умела.

15 - просто некрасивая, подростковый период, какая тут красота.

17 - вспоминать не хочется.

Фотографии всех годов выпуска, начиная с рождения, беспощадно расшвыривались по подоконнику, который три минуты назад Мирин папа "любезно" попросил освободить, почему-то до сих пор опасаясь, что пластиковое убежище однажды не выдержит пятидесятикилограммовую тушу. Девушка подошла к зеркалу и впялилась в отражение. Это раньше всё, сейчас восемнадцатилетняя симпатичная студентка, в каких-то местах даже умная. Смотрит, глазница вытаращила, итак круглые, так еще и карандашом подвела, чтобы совсем по пять копеек. Тут, как говорится, либо все, либо ничего. Хорошенькая она всё-таки, Мира. Только невезучая какая-то.

"Я тебя ждать буду". Будет она, куда там. Было бы чего ждать, а в пустоту - никаких сил не хватит. Сразу вспомнилась толстовская героиня. Тоже ждать не умела, дура. Мира скорчила физиономию и шумно провела палкой по луже: всё и сразу надо, видите ли, Наташе этой. У нее Болконский был, а у Миры что? Ни-че-го.

Резко нахлынули воспоминания об «отрывке» Амурского бульвара (Хабаровск), который как-то сроднился за год и даже стал другом, если можно так сказать. А этот город мертвый. И люди в нем какие-то, эх. Хотя люди как раз везде одинаковые. Мира имела яркую особенность вопреки порядку привязываться не к людям, а к месту. А здесь привязывай - не привязывай, без толку. Тут даже время тянется особенно долго, будто в определенную минуту все часы в городе останавливаются и остается только бесцельно таскаться в ожидании, когда пусковой механизм заработает вновь.

А когда уезжал, быстро летело. Только и помнится, как старый автобус, покачиваясь, скрылся за поворотом. Хорошо, память не вечная, на том спасибо. Не жалела себя, не кричала о несправедливости - не одна такая. С самого начала знала, как будет. Не верила в него. И не ошиблась. А теперь чего уж? Новая жизнь, новые люди.

Мира с большим энтузиазмом ковыряла палкой в луже, видимо, надеясь, дорыться до другого мира, только под подсохшей грязью скрывалась всё новая и новая грязь. На другой конец лавки запрыгнула кошка и с легким недоверием потерлась о Мирину ногу.

В новом городе Миру тоже никто не ждал, не кинулся с распростертыми объятиями, из серии "наконец-то ты вернулась". Это не печалило. Девушка не без труда засовывала сумку в проем между сидениями. Транспорт подпрыгнул и покатил в нужном направлении.

"Серый автобус вилял без конца" - Мира мысленно комментировала происходящее.

"Сзади задуло и не было света. На пальце остался след от кольца, и я просто так благодарна за это" - кольцо на пальце и правда было. С месяц Мира, не снимая, таскала его. Продавщица в магазине гарантировала удачу от приобретения, хотя, удачи, как и следовало, не последовало, да и колечко как-то нелепо затерялось в последние дни перед отъездом. Концовка стихотворения сама собой пришла на ум, там и обосновалась до конца поездки.

"Я еду домой, за окном не стихает.

Навязчивый вечер прохладен и пуст.

Со мной ведь еще не такое бывает, - Мира удрученно вздохнула. —

Но больше не будет, пожалуйста, пусть".

А потом наступила зима - холодная и беспощадная, как и положено всем зимам на свете. Мира ничуть не изменилась, вопреки данным ей летом предсказаниям, похудела только если. Зима всё-таки. Нрав не потеряла, забегалась просто. Как-то вечером закашляла и больше не переставала. Еще соседка, честно разделявшая с ней комнату, изо дня в день налегала "сходи в больницу, сложно тебе?". А Мира не шла. То времени не было, то сил.

Пройдет само. А не проходило. Кашель тем временем не отступал, наоборот, отыгрывал самыми разными нотами в груди. Юлька все нудилась "сходи, да сходи" в больницу эту, черт бы ее побрал. Дотянули до весны. Хочу сказать, весна, первые дни, во всяком случае, еще более жестокие, чем ее трехмесячная ледяная предшественница. Бывало, выйдешь на улицу, ветер в лицо так задувает, что глаза слезятся, и хочется бежать обратно домой, с головой забраться под одеяло и носа не показывать. Только куда там. Дела, дела. Через месяц Мире стало хуже. Хотя "хуже" как таковое было еще зимой, сейчас это вообще сложно было назвать "хуже", но Мира держалась. Бегала на пары, отшучивалась, даже внешне похорошела. Глаза блестят, румянец на

щеках - от болезни, конечно. И слегла, в самый разгар весны. Гулять бы, наслаждаться жизнью, а Мира к последней совсем интерес потеряла.

"Я буду тебя ждать".

Ждала, получается.

Только смысла в этом... конечно. Безусловно, он мог бы ее спасти, а-ля, принц из сказки, принцессу примчался избавлять от недуга лютого. Только от принцессы остались одни воспоминания, да и принц уже давно оставил желать лучшего. Разные судьбы разных людей.

А Мира опять все знала заранее. Не избегала конца, но и не смотрела в его глаза. Заняла выжидающую позицию "теперь до лета" и жила. Не докучала больше своим кашлем, не выслушивала Юлькино "я сейчас врача вызову" и "завтра тебя за руку в больницу поведу", сняла квартиру и съехала, чтобы не мешать и, чтобы никто не мешал. Так проще, правда. Слышала где-то, что море убивает. Так вот, жизнь тоже убивает. А дни летели, кубарем катились зачеты, сдавались экзамены, зацвела и уже осыпалась черемуха. И Мира вместе с ней. Маме почти не звонила, знакомых избегала всеми возможными способами, просто ждала лета.

И всё как полагается дальше.

В первый летний вечер, Мира, прикрыв глаза, вдыхала теплый воздух на лавке возле дома. Эта лавка уже была огромным достижением, с учетом того, что состояние здоровья едва ли позволяло ей перемещаться по квартире. На заветный бульвар память наложила вето, теперь довольствовалась такими выходами. Лето везде одно. Не зря говорят "старость не радость, молодость не жизнь". Не жизнь. Где была жизнь Мира так и не поняла. Всё смотрела на тянущиеся над головой облака. «Отрывок» Амурского бульвара и кошка с легким недоверием трущаяся о ногу, семеновское "хоть бы чайник нагрела" и объятия на танцполе, которые, конечно, были не при чем - всё это стерлось из памяти и ушло в вечность. Все когда-то туда уходит. Черемухи короток век.